

Это легко объяснить, они, темы эти, скорее уместны в соревновании сочинений в старом смысле этого слова.

Этюд предполагает или что-то в виде зарисовки, или, в лучшем случае, попытку переселения в психику другого человека. Отсюда все эти монологи «продавцов мороженого», «дворников», «водителей такси», «администраторов».

Сама по себе эта тенденция показалась мне обнадёживающей. Порыв к оригинальности. Подсознательно молодые люди ощущают, что о Родине им вряд ли удастся в течение четырёх часов соорудить что-то оригинальное и глубокое, тем более, если до того ты не был обуреваем размышлениями на эту тему. Предложенная возможность краткого «метемпсихоза» кажется, и справедливо, куда более интересной и продуктивной.

Но на лёгких, на первый взгляд, путях нас ждут и самые глубокие ямы. Берясь за внутренний монолог человека, которым ты не являешься, ты встанешь перед одной из самых больших сложностей литературы — «описать другого». Человек не знает себя, но «другого» он знает ещё хуже. Поэтому, бросившись к внешней свободе, участники испытания почти все без исключения в пустом пространстве с набором весьма жалких и не связанных в систему ориентиров. Пошли штампованные «продащицы», «дворники», «менеджеры», очень похожие друг на друга своей безликостью.

Так что же — признать опыт неудачным?

Ни в коем случае.

Наоборот.

Писавшие вступительный этюд получили очень полезный, навсегда с ними остающийся опыт. Его можно выразить серапионовским — «писать очень трудно». Даже чепуху какую-нибудь о самом чепуховом человеке ещё поди сочини.

Этюд сделал своё дело, да здравствует он.

А. Н. ВАРЛАМОВ¹

НУЖНЫЙ ЖАНР

Этюд — это средство проверить одарённость, а заодно и честность будущих студентов, поскольку работы, присылаемые на творческий конкурс, теоретически могут быть написаны и отредактированы кем угодно. Стало быть, если в каком-то случае мы сталкиваемся с противоречием между творческими работами и этюдом, то это может натолкнуть на разные нехорошие мысли о подлогах и пр.

Однако едва ли было бы справедливо сводить этюд лишь к полицейской функции. Это очень правильный и нужный жанр, который так же необходим, как было необходимо нашим школьникам исчезнувшее на глазах сочинение по литературе. Последнее, как бы его порой ни кляли, было заслугой русской школы. Тот факт, что сочинение писали все выпускники и абитуриенты стра-

¹ Алексей Николаевич Варламов — писатель, историк русской литературы, доктор филологических наук, руководитель семинара прозы, ректор, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

ны, был — и это становится особенно понятно теперь — нашей гордостью и залогом определённого уровня культуры и независимости мышления. Сочинение требовало не только знания, но и учило самостоятельно думать и излагать свои думы на бумаге, оно было, говоря языком социокультурным, фактором гуманизации общества и в советских условиях уберегало нас от идеологического насилия и коммунистической стерилизации сознания.

В нынешней жизни, когда проблема дегуманизации, обезличивания стоит ещё острее, отсутствие сочинения в качестве обязательного испытания для русской школы губительно. Не в наших силах пока что переломить эту ситуацию и добиться восстановления прежнего статуса уроков литературы в школе, но мы можем сохранить хотя бы на нашем небольшом литинститутском пространстве хорошую, умную форму испытания. Мы не должны ложиться под ЕГЭ, потому что рано или поздно этот морок пройдет, как прошла в биологии лысенковщина, вопрос лишь во времени и в потерях. Таким образом, этюд для нас — это своего рода рубеж обороны, наше право на владение письменной речью. Плюс — проверка владения языком, точнее, навыками владения письменной речью. Никакой ЕГЭ, даже в его «творческой» части, не заменит полноценного текста-рассуждения. Можно безошибочно ставить галочки в текстах, но грамотно писать, владеть языком — это совсем другая история.

Теперь собственно об этюде. Разумеется, это не совсем сочинение, точно так же, как Литературный институт — не филфак. К сочинению можно и нужно готовиться, к этюду — тоже, только вот делать это значительно труднее, ибо непредсказуемость, неожиданность темы входят в условия задачи. Тема вообще очень важна, она должна огорошить, спровоцировать и раскрепостить, освободить сознание абитуриента от шаблона. Этюд проверяет не знание чужого текста, не эрудицию, но способность к импровизации, к вольному письму и — скажу вещь может быть страшную и спорную — некоторую... независимость от вдохновения. Не знаю, какие требования предъявляются с этой точки зрения к будущим поэтам, но прозаик по своей природе не должен зависеть от того, что расплывчато, туманно или, напротив, очень конкретно называется Музой. Творчество писателя — это работа, это усидчивость, умение создать текст на заданную тему за определённый промежуток времени, независимо от того, «пишется» тебе в эту минуту или «не пишется».

Этюд, таким образом, проверяет не только наличие Богом данного таланта, но и умение им распорядиться, не закапывать его в землю, что для представителей «богемной» профессии особенно важно. Это соединение свободы и необходимости, это «не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать», на чём, собственно, литературное творчество и стоит.

Однако — это всё в идеале. Сегодня — будем реалистами — общий уровень поступающих в Литературный институт, равно как и вообще уровень культуры в стране — не слишком высок, общая энергетическая заряженность людей пишущих так же невелика (пассионарные люди идут теперь за редким исключением не в литературу), и требовать от абитуриентов многого не приходится. Когда пять лет назад мои нынешние студенты написали этюды, только две или три работы были по-настоящему интересными, остальные — шаблоны, выпендрёж, бессильные рассуждения на общие темы, хотя впоследствии их авторы писали неплохую прозу. И тем не менее даже при таком положении

дел этюд необходим как условие посвящения в студенты Литинститута, как обряд, инициация, как наш бренд, если угодно.

Этюды надо хранить не только в высоком, но и в самом буквальном смысле этого слова. Они должны входить или — лучше — прилагаться к будущему диплому, чтобы на защите мы видели, с чем человек к нам пришёл и с чем уходит.

В качестве конкретных примеров сошлюсь на несколько работ своих студентов.

Александра Байдикова. В 2006 году написала этюд по теме «История семьи — история страны». В общем-то тема, скорее предполагающая нечто глубоко патристическое, фамильное, почвенническое. Однако Байдикова «нахулиганила» и написала этюд про итальянскую мафию, где «папа» Антонио поучает «сына» Аркадио, как правильно жить. Аркадио служит поваром и с отвращением занимается тем, что отравляет нужных (или ненужных) людей, а Антонио его поучает: какова семья, такова и страна. Текст не особо оригинальный по мысли, но достаточно неплохо, живо исполненный, и при его чтении мне стало понятно, что передо мной человек, умеющий быстро и достаточно точно выполнить поставленную задачу. Сюжет этот (не этюда, а задания, с этюдом связанного) интересен ещё и тем, что когда немного позже я попросил студентов написать рассказы-судьбы, рассказы-биографии близких им людей, то именно Саша Байдикова написала лучший рассказ «Таня», который был впоследствии опубликован в альманахе «Тверской бульвар, 25», а также в журнале «Коростель». Эта студентка замечательно работала в течение всех шести литинститутских лет, и на неё я возлагаю особые надежды, хоть и понимаю, как трудно приходится сегодня людям пишущим.

Другой пример. **Ольга Сидорова** написала эссе на тему «Особенность границы между городом и деревней». Опять же тема с заданными границами. И автор — а она живёт в Зеленограде — пишет о том, что каждый день едет в Москву мимо полузаброшенных придорожных деревень и какие чувства при этом испытывает. А дальше то ли моделирует ситуацию, то ли действительно был такой случай, когда автобус сломался в деревне Чёрная грязь, вполне соответствующей своего названию, и наша героиня, оказавшись в этой деревне, заводит разговор с двенадцатилетним мальчиком, который попросил у неё закурить.

«— Ты чего не в школе? — чтобы что-то спросить, спрашиваю я и тоже закуриваю.

— Да вернулся недавно, — выпуская дым колечками, солидно говорит парень, — я на Сходне учусь.

— А здесь чего не учишься? Школы нет?

Мальчик смотрит на меня с непониманием, а потом звонко смеётся.

— Да ты чего, тёт? Здесь вообще ничего нет. Даже магазинов...

— А чего домой не идёшь? — напоминая себе докучливого педагога, спрашиваю я.

— Да не хочется... Папка пьяный опять, а мать сразу заставит огород копать. А зачем? Всё равно ничего не вырастет — вон, Ленинградка рядом. Эх, хорошо бы в городе жить.

Мальчик замолкает и тоскливо смотрит куда-то в сторону Москвы.

— Ничего, — утешаю его я, — сейчас Москва застраивается, а такие деревни, как ваша, расселяются. И до вас очередь дойдёт.

— Только не до этой, — тяжело, по-взрослому, вздыхает парень, — никому мы не нужны. У нас даже документов на дом нет. Поэтому его даже продать нельзя. Да и даже если бы были, толку-то? На квартиру денег не хватит. Ничего, вот выучусь, денег заработаю и обязательно отсюда уеду.

Он с надеждой смотрит на меня, и я одобряюще киваю».

Некий парадокс этого случая заключается в том, что Ольгу Сидорову перед этим «зарезал» Михаил Лобанов, ибо абитуриентка представила на конкурс отрывок из фантастического романа про вампиров. «Автор, видимо, начиталась бульварной литературы, и весь мир у неё затмился вампирами. Никакого представления, что есть ещё и другая литература и что есть ещё и свой собственный жизненный опыт. Отказать».

Так вот, этюд Сидоровой замечательно показал, доказал, что и опыт у неё свой есть, и вампиры ей всё не затмили...

Ольга Дождева. Этюд на тему «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье» (Достоевский). Замечательный пример того, как в эссе человек проговаривается. Как известно, это фраза из романа «Идиот». Но дело даже не в том, что студентка этого не знала, а в том, что она написала нечто прямо противоположное Достоевскому по духу, по отношению к миру. Получилось эгоцентричное и довольно претенциозное высказывание внешне самодовольной («... для моего счастья много не надо. Нужна погода, свобода и возможность писать»), а в глубине несчастной, одинокой молодой женщины, поглощённой своими комплексами. Разумеется, это не повод, чтобы закрывать перед человеком дорогу в литературу, но если чему-то в Литинституте и можно научить, а вернее, от чего-то отучить — от дурновкусия, небрежности, ходульности — то от эгоизма едва ли.

На ту же тему написала этюд и **Альбина Гумерова**. И вот поразительно, насколько одна абитуриентка сосредоточена на себе и своих переживаниях и закрыта к внешнему миру, настолько другая распахнута. «Люблю людей. Люблю жить среди людей, смотреть на них». И далее, сделав несколько портретов прохожих, автор эссе описывает встречу с Ним — мужчиной своей мечты. Но и после этой встречи, после счастья у героини остаётся чувство вины по отношению к тем, кто несчастлив. «Дяденька, прости, что ты последнее время почти не спишь, что вчерашние переговоры ничего хорошего тебе не дали, прости за то, что жена просит новую обувь, а в пять утра надо выводить собаку. Женщина! Прости нас за то, что муж ушёл от тебя, прости, что ты бегаешь с одной работы на другую, а этой ночью твой младший ребёнок не давал тебе спать». Образы, может быть, и не оригинальные, и есть общие места, банальности, но главное — у девушки открытое, отзывчивое сердце, и нет ничего удивительного, что, став студенткой, набравшись жизненного опыта и поучившись уму-разуму, Альбина написала несколько очень хороших вещей, и я уверен, напишет ещё больше.

Так что этюды иногда оказываются тестом не только на работоспособность, пригодность к литературному ремеслу, но и на человечность.